

Evgenii Shan

*Енисей, река
по меридиану*

Evgenii Shan

Енисей, река по меридиану

«Издательские решения»

Shan E.

Енисей, река по меридиану / E. Shan — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938211-5

В книге собраны рассказы о Енисее, выдержки из повестей «Мы идём по Западному Саяну» и «Енисейский Север». Она задумывалась как трилогия о великой реке и людях на её берегах, но получила неожиданное продолжение в Алтае как книга о всей мощи и красоте рек Сибири.

ISBN 978-5-44-938211-5

© Shan E.

© Издательские решения

Содержание

Енисейский Север	6
ЕНИСЕЙСКИЙ МЕРИДИАН	6
НАЗИМОВО И ПОНОМАРЁВО	8
Деревянный мир. ДОМА И ЛОДКИ	9
Метта к матери	12
ПОКРОВ	14
ДЕРЕВЯННОЕ КРЫЛЬЦО	16
ОБЛАСОК	18
ЛЮДИ НА ЕНИСЕЕ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Енисей, река по меридиану

Evgenii Shan

Фотограф Алексей Августинович

© Evgenii Shan, 2024

© Алексей Августинович, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4493-8211-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Енисейский Север

ЕНИСЕЙСКИЙ МЕРИДИАН

В детстве мы знали, что Енисей берёт своё начало где-то далеко в горах, в Монголии, сливается из двух. Я не мог подумать тогда, что эта горная тайга станет моим домом на большую часть жизни. Монголия отодвинется, уступая право быть истоком Енисея, Туве, а всю реку мне придётся не единожды пройти в разных её участках почти до самого океана. Увидеть его, Енисей-батьюшку, разного. Серые его волны во время ненастья и пронзительно синие под ярким августовским солнцем, отражающие сочную зелень чёрных тополей Минусинска и чёрные омуты под скалами, где стоит таймень и хариус. Верхнее течение реки быстрое, вода студёная до лопы в зубах. А внизу это уже мощный широкий поток, почти безбрежная река жизни, которая в своих глубинах скрывает что-то таинственное. Река, так всегда называли в деревне, сурова и не прощает ошибок. Но Енисей и кормит, и поит народ, живущий на его берегах. В моём детстве из Енисея можно было смело пить воду, а в невод и на самоловы попадались такие осетры, что занести их с берега могли только двое мужиков на носилках.

Под Минусинском я прожил один летний месяц и успел познакомиться с рекой, когда она ещё не набрала мощи. Здесь Енисей нагрелся на степных просторах котловины и отдыхал после бешеной скачки между хребтами Саян, чуть замедлял свой бег и был ласковым, как уставший конь. Позволял оседлать себя. Мальчишками, мы работали на совхозных полях до обеда, а потом бежали купаться. Забегали повыше и сплавлялись по течению, цепляясь на ветви тополей свесившихся до самой воды, вылазили из воды и делали ещё один заплыв, и ещё, и ещё. Повиснув на тополиных ветках поджидали, когда вода принесёт девчонок, а потом, вместе хохоча и украдкой трогая их тела в намокших купальниках вместе плыли до нижней «станции». Не сразу, но потом кое-кто решался, и мы переплывали неширокую быструю протоку на островок и загорали там. В глазах девчонок мы выглядели героями.

Холодный Енисей щадил нас, сыновей речников. Мы умели плавать и нырять, а главное, мы уважали реку. Мы всё знали о том, что река не шутит. Знали про водовороты и холодную воду, которая сводит икры. Знали об топляках-баланах, которые стоймя в воде и о которые можно здорово удариться головой. Понимали, что только серьёзное отношение к реке убержёт нас от несчастий. И с мальчишеской отвагой убегали из дома и купались в таких местах, где купаться запрещено. Дамбы судостроительного завода, отгороженные от людей, но не от нас, бетонным забором, в то лето школьных выпускных экзаменов были нашим пляжем. Глубина в этих искусственных протоках была такая, что в Енисей выводились суда типа «река-море». Какая-то металлическая труба большого диаметра торчала в двух метрах над водой и была нашей нырялкой. Ширина протоки была меньше длины стандартного бассейна. Переплыть на ту сторону казалось делом несложным, но решались на это немногие. Однажды решился и я. После прошедшего катерка вода со дна была поднята на поверхность и оказалась такой холодной, что мелькнула мысль вернуться. Но как же это сделать при всех. Я подумал, что в аварийном случае руку помощи мне подать смогут, и переплыл на холодный берег в тени. Обратное оказалось плыть проще. За полчаса отдыха тёплая вода сровняла холодную. До сих пор не представляю, как в то лето мы обошлись без потерь в нашей компании.

Верховье Енисея, где сливается Бий-хэм и Каа-Хэм в великую реку Улуг-Хэм, я увидел уже взрослым. Было мне 18, и уехал я в свою первую экспедицию, чтоб остаться в этих горах надолго. Слияние двух речек и рождение великой реки, которая потом пронесёт свои чистые воды через Саянские хребты, в тот год не произвело большого впечатления. Следующая экспедиция на Большие Уры была совершенно другой. Енисей ещё не был скован плоти-

ной. В этих местах я пробыл два полевых сезона. Спокойный Ус, который бежит с Восточного Саяна и только в дожди поднимается, заполняя берега водой таёжных верховых болот. Жёсткие в своём беге Кентигир и Голая, которые весело перескакивают по камням кристальными струями и вдруг...

В самую жару начинают таять ледники из-под горных высей, и речки эти наполняются ледяной талой водой, несутся сминая всё на своём пути. В такой период и Енисей становится чёрным и бурливым, заполняет все перекааты, скрывает пороги, прячет валуны и камни. Он бешено несётся в горных ущельях, становится страшен своей непредсказуемостью. Редко кто в этот период рискнёт выйти на моторке на такую стремнину. По рации на все кордоны по Енисею передали, что утонул ребёнок, унесло течением. Мы решились на выход, с час крутились по порогам вверх в надежде увидеть тело. Не нашли, вернулись, Енисей забрал себе.

Енисей в Западном Саяне протекает скальными ущельями, только иногда выкатываясь на широкие поляны, которых немного – долина Уса да плёсы перед Карловым Створом. Створом в котором поставили плотину ГЭС. Ширина этого ущелья от самого устья Хемчика до устья Уса всего несколько сот метров, и только маленькие галечные плёсы дают возможность кое-где поставить жильё. Редкие тувинские юрты скотоводов и охотников, два два-три дома кордонов. Старообрядцы в таких местах не селились, им нужны были пахотные угодья и широкие лога для покосов и пашек. Кержачие посёлки ближе к Хакасии и Минусинской котловине, а здесь дикие места. Чудо дикой природы, скалы, ниспадающие с большой высоты в реку, сибирские козлы скачущие по отвесным скалам, да листовничные узкие лога, резко уходящие к облакам. Смесь серо-чёрного базальтового камня и сочной зелени листовничной хвои, серые и белые камушки галечных пляжей, синь неба. Такие картины завораживают и врезаются в память надолго. А если весь полевой сезон меряешь своими шагами эту тайгу, то она становится родной на всю оставшуюся жизнь.

Когда смотришь старые фотографии ударной всесоюзной стройки, которую видел своими глазами, иногда попадаются пафосные снимки – «Мы тебя покорим, Енисей!». Я не верил в возможность покорения великой реки. Енисей так и остался взнузданным, но не покорённым, и иногда показывает свой нрав, когда люди забывают об уважении к нему. А багульник на склонах так же продолжает цвести в то время, которое выберет сам. И глухая тайга, и серые скалы, и синяя вода раскрашиваются отблесками этого лилового света.

Всё детство провел в среднем течении реки, каждую навигацию проходил на теплоходе от города до деревни. Каждый год мог наблюдать, как Енисей проталкивается сквозь скалистые склоны, перепрыгивает пороги у Казачинского, постепенно раздвигает берега. После Ангарской стрелки река становится широкой. Поженившись с дочерью Байкала Енисей, как всякий взрослый мужик становится степенным. Но эта степенность не закрывает всей мощи реки, а только добавляет ощущения величия. Для всех чалдонов Енисей основа жизни, царь и бог этого края. У нашей деревни ширина реки в весеннее половодье до 2,5 км, ну а летом чуть меньше. По правому берегу всё ещё попадают «кармакулы», выходы скальных пород, но все реже.

После Ярцева начинаются широкие плёсы, а тайга по берегам становится всё темнее и дичее. Мощное тело реки несёт теплоход, и такое ощущение, что зазевайся чуть капитан и всё. Река унесёт судно по своему усмотрению. И это ощущение не обманчивое, все речники это знают. Ворогово стоит на высоком яру, но каждую весну в половодье Енисей достаёт человека и там. Широкие Вороговские плёсы резко сходятся в горло Синовского порога. «Караблик, Барочка – два островка». Два островка по руслу и множество камней. Теплоход вдруг вовлекает в сильную струю и несёт в это горло. Дрожь по корпусу, телеграф звякнул машинам средний ход. Экономия мощи дизелей для того, чтобы в критический момент можно было добавить хода и выровняться. Островки с хвойным чернолесьем, украшенные порос-

шими мохом камнями тёмно-красными камнями, проносятся почти рядом с бортом. Кажется, протяни руку и достанешь, судно на хорошем ходу выходит в спокойную воду.

Дальше теперь только ширь, слева болота, справа плоскогорье Тунгусок. Река катит свои волны спокойно, неотвратно и мощно. Река катится, то становясь серо-синим зеркалом для неба, то морщась серыми брызгами в ненастье и закручивая белые барашки в северный ветер. Становится всё холоднее, даже летом при незаходящем солнце без телогрейки тут не обходятся. Моргнула камнями и вековыми лиственницами с яра Подкаменная. Незаметно тёмным логом влилась в Енисей Нижняя. Две Тунгуски, две древних шаманки, две легенды Енисейского Севера с кристальной водой, крупными тайменями и такими же крупными злыми комами. Ниже Туруханска красное солнце ходит по кругу, и уже только краешком касается тёмной воды Енисейского залива. Карское море, океан Ледовитый. Чайки и тишина летней светлой ночью.

НАЗИМОВО И ПОНОМАРЁВО

Пассажирский дизель-электроход шёл по Енисею вниз. Лёгкая вибрация по корпусу уже стала привычной, а мелькание тайги, полей, деревень и речной обстановки сливалось в одну картину. Река становилась шире, тайга темнее, а полей попадалось всё меньше. Правый берег часто оскаливался камнями-кармакулами, а широкие плёсы поражали простором серо-синей воды. Я с товарищами ехал на преддипломную практику в исследовательскую экспедицию кафедры таксации. Мы уже хорошо знали друг друга, за пять лет учёбы, четверо парней и одна девушка, которая ростом была выше всех, а весом мало уступала самому старшему из нас. Утро, летом здесь оно раннее, а там где мы будем жить полтора месяца, солнце вовсе не заходит.

Выглянул в иллюминатор, что-то знакомое кольнуло в сердце. Выскочил на палубу. Мимо проплывала небольшая деревушка. Остяцкая, скоро Пономарёво, родина. Мимо Колмогорова мы прошли уже со светом, а Назимово открылось часов в 8, когда уже все были на работе. Но движения на берегу не было видно, никакой суеты. Люди со своими делами на берегу появятся вечером, сейчас все заняты в лесу, в поле, в кузне и на базе. В детстве я долго не мог понять, что такое «база» пока не начал читать «Тихий Дон», это «баз» – двор, где содержится скотина и всякие хозяйственные постройки. Там у нас и конюховка старая, и молоканка, и конюшня. А дальше к лесу кузница и гараж, телятник и коровник в сторонке. На берегу колхозники собираются рано, катер «чых-пох» тащит лемендру с доярками на дойку к стаду на Еловом в 4 утра, возвращается к 7. Когда начинаются покосы, за реку переправляют всю технику и лошадей на этой же лемендре, а потом работники сами уезжают на лодках ещё до свету, а многие на покосе и ночуют неделями. Пока катер тащится через Енисей, чего только не наслушаешься, насмеёшься вдоволь. И мужики и бабы шутят, а кто-то начинает историю невыдуманную, тогда все во внимании. В каждой деревне есть свой рассказчик.

В каждой деревне есть свой шутник, свой разгильдяй, свой персонаж, с которым всегда что-то случается. В Назимово таким персонажем долгое время был дядя Вася Пономарёв, которого все беззлобно кликали Вася-карась. Был он лупоглазый, немного шабутной и слегка недалёкий. Его сын, Саня Дунечкин, названный так по своей бабке, был ничуть не лучше. Попадал во всякие истории с детства. Чего только стоили его попытки сбить кукурузник АН-2 с мелкашки стянутой у отца. Устроился на коньке крыши старого дома бабы Дуни и ну шмалять. Хорошо, что вовремя заметили и сняли оттуда снайпера.

Дядя Вася был штатным охотником, а эта категория во все времена немного отстранённая от жизни. Не любят они общие работы и нормированный рабочий день. Летом, как водится, на реке, рыбалка, заготовка дров, подготовка к сезону. Но приврать любил всегда. С увлечением рассказывает как неводили: «Перву тоню дали – шинадцать штерледей! Втору тоню

дали – сорок три штерледи! В ведро сложили, кое-как на угор заташшыли!». Этот рассказ вошёл в деревенскую классику и пересказывался ещё долгое время. Хотя, конечно, была у дяди Васи-карася и своя удача, и свой заработок лесной, который позволял кормить семью.

Река – главное, что держит наши деревни. Енисей кормит, Енисей поит, согревает, неся лес при большой воде. Баланы те все ловят, вытаскивают на берег обсушиться и готовят дрова. Никогда никто в лес не ездил браконьерничать. Особую категорию на реке составляет Техучасток, бакенщики. Навигационная обстановка – важная речная служба. Сейчас ходят два катера, а раньше за каждым участком следил один бакенщик. Выставлял весной после ледохода бакена, каждый вечер зажигал на них лампы керосиновые. Такие бакенские участки были распределены по всему Енисею, обеспечивали безопасность судоходства. Жили такие рабочие в избушках в центре своего дежурного места, часто рядом с береговыми створами. Одним таким работником был брат нашего деда Фёдор Ильич. Тоже из тех персонажей, о которых ходят смешные рассказы. Жил он в заброшенной деревне Лазовке, между Назимово и Колмогорова. Потом её стали называть Пономарёво, поскольку там только эта фамилия и жила. По типу же Фёдор Ильич такой же, что Вася-карась.

«Была она учительница, от мужа сбежала, а я баканшык. Вот и случились с ей в баканской избушке» – рассказывает он свою любовную историю послевоенную. Семья в деревне, участок не бросишь, ежедневный тяжёлый труд. Бакена из тонких высушенных досточек, белый – пирамидкой, красный – шаром в двух плоскостях, устанавливались на карабике из жердей с тяжёлым каменным якорем. Чтоб не потерять место установки, ещё вежа на якорю. А терять место немудрено, большая вода часто и сейчас срывает буи с якоря, несёт вниз по реке, приближает где-то к берегу, в курью. Нынче на катере идут и собирают, а то и на плаву догонят. Раньше всё «на гребях», веслами бакенщик махал до известных мест, где сорванные бакена оставались. У Пономарёвских камней часто левый белый бакен уносило. Фёдор Ильич за ним вдогонку, а потом пытит обратно против течения. Ему говорят: «Бросил бы ты его, да новый изделал, чем так мучиться», «Да вы што! – отвечает с возмущением – Это ж сынтральной бакан!» Бакен тот, действительно, важный был, но не настолько же, чтоб каждый раз за ним гоняться. Человеком он был ответственным, как весёлым и добрым. Все его любили, а подсмеивались над его рассказами, как над забавными шутками. Только много позже я узнал, что родня он нам, и приёмный отец тёти Маши Еремеевой, сродной материнной сестры.

Много ещё вспоминается шуток и забавных высказываний наших мужиков, всего не упомнишь сейчас. Но они сами всплывают в памяти, когда встречаюсь с братом, разговариваем, вспоминаем детство и юность. И такие «летучие» фразы сами выходят на язык. Баба Дуня увидев дюралевую лодку с мощным мотором, что ещё в диковинку были – «Батюшки мои-та, милья мои-та, вы не рыбнадзоры? Батюшки мои-та, милья мои-та, вы не браконьеры?» дядя Карла Бастер спросонья выходит на палубу, увидев чужую самоходочку резво бегущую вдоль берега – «О, а это чья така... , маленька?», и руками показывает не больше локтя.

Брат Коля работал на обстановочнике, я ходил с ним в рейс пару раз. Останавливались на Сурнихе, походя описанной Астафьевым, ставили самолёвы в ямах. Нигде я столько черной икры не ел, как в то время. Ложками. Ходил долгое время и мой Серьга капитаном обстановочного теплоходика. Пока хворь ни приключилась. С хворью он справился, но на реку больше не захотел, тяжёлая там работа. Хоть от трудностей не бежали никогда, но надо и на берегу делами заниматься. Дай бог всем нашим, Енисейским мужикам, здоровья да удачи.

Деревянный мир. ДОМА И ЛОДКИ

Чёрный жук усач попытался заползти от меня в расщелинку почерневшего бревна нашей избы. Мы ловили их и заставляли откусывать себе длинные усы, загибая их в ротовые клещи за то, что иногда «стригуны» запутывались в наших волосах. Дядя Саша в очередной раз

постриг меня и Серьгу под машинку и жуки нам были уже не страшны, да и ловить их было не интересно. Избы в деревне все были старыми, брёвна срубов почернели, иногда проходили длинными узкими трещинами, но жуки им были не страшны тоже. Сибирская изба всегда рубилась из сосны и лиственницы, смола не давала личинкам внутрь, а высыхая, такие срубы становились плотными как кость. Как только рубили новый дом, он сразу попадал под внимание всей детворы, мы любили там играть, но из кругляка строили всё реже и реже. Появлялись леспромхозы, лес пилился на пилорамах, из бруса строить сподручнее. Последний рубленый дом на моих глазах был председателю колхоза, приезжему молодому татарину Рафику. Он был не местным, хоть и енисейским, мужики его уважали, но вся деревня называла просто Рафик.

Дома, сложенные из пиленого бруса, я увидел уже в студенчестве, в старом Туруханске. В посёлке с древними традициями, но с пилорамой времён сталинского ГУЛАГА, двухквартирные бараки стали строить ещё до войны. Север полон лиственничниками, и брус лиственничный. Такому брус тоже не страшен жук-усач. Но вид домов уже не нарядный, хотя не чернеет. Лиственница постепенно становится кирпично-красной, затем ещё темнее, брус трескается при высыхании, щели проходят по всей длине, кое-где выступает смола. Так получается старый вид, но не старинный. Да и окна уже широкие, не такие как избах. Почему в широких окнах барачков свету меньше, чем в небольших окошках сибирских изб, я до сих пор не понимаю.

Всегда, заходя в гости к многочисленным родственникам и добрым знакомым, мы видели этот свет в окошках. Солнце заливало комнату, а в прихожке всегда был полумрак. И чувствовалась какая-то ширь в избе, даже при низких потолках. Может потому что тканые половики яркими дорожками бежали от окон навстречу гостю. Если сени большие, то прихожку и не отделяли от большой комнаты, и изба казалась ещё более просторной. Всегда три окошка на улицу, да пара во двор, а света хватало. Пыльная улица с деревянными тротуарами и маленькими полисадниками с цветами. Почерневшие благородно избы потихоньку врастают в землю. Таким у меня в памяти и осталась моя деревня, хоть и видел потому её уже другой, но воспоминания детства более крепки.

Когда в середине лета наступала вдруг сушь на Енисейском севере, деревянные сёла и деревни начинали опасаться пожаров. Сельсоветом назначалось круглосуточное дежурство по деревне. А чтобы жители спали спокойно, зная что ситуация под контролем, пожарный сторож стучал в колотушку. Я застал этот атрибут спокойствия сибирских деревянных сёл. Тук-тук, тук-тук, тук-тук. всю ночь кто-то ходил по деревне и наблюдал за всем, что происходит. Пожара на моей памяти не было ни разу. С вечера и мне давали постучать. Коля садился на велик, я сзади, и один рейс по всей деревне мы проделывали. Интересно, но собаки почему-то не мешали.

Дерево постепенно уходило из жизни, оставаясь только в памяти стариков, в навыках старообрядцев и чалдонов. Если срубить дом из кругляка ещё кто-то может, то выбрать правильно дерево для постройки – целая наука. Мало положиться только на природные свойства хвойных деревьев, сосны и лиственницы, надо уметь вовремя их срубить, что баланы не рвало потом при сушке, не вело до укладки в сруб. На моих глазах с берега ушли деревянные лодки, сменились на лёгкие и быстрые дюральки. Заплоты из дранки и стены дворов из расколотых пополам узких брёвнышек сменились на штакет. Но запах дерева так и остаётся запахом сибирских сёл. Смолёвый, живичный запах свежего кия лодки торжественно лежащий на верстаках.

Лодки делали всего несколько мастеров в деревне. Начинали по весне на берегу. На сооружённом верстаке-стапеле в высоту человеческого роста укладывалась килевая доска, вернее – брус, которые вытёсывался из сосны топором вручную. При помощи клиньев на стапеле киль выгибался, прилаживался к нему транец и форштевень и, работа на несколько недель замирала. Не знаю, в чём причина. Может, давали высохнуть этому остову будущей лодки, лодки, которая дала имя всему северному народу – «челдоны». Потом вдруг в два

дня лодка стягивалась, в остов вкладывались шпангоуты, нашивались дощатые борта, а через недельку разводили вар и смолили уже готовое плавсредство. Такое действие всегда походило на чудо. На них рыбачили и ездили в гости по соседним деревням. Моторы и вёсла, а парусов я не застал, хотя говорят, были и они.

В один яркий солнечный день Верка Горченёва не пришла играть, а крутилась возле дома в новом праздничном платье. К ним приехали гости с Ангары. Кержаки – народ нелюдимый, сколько гостей я не знаю, но через день на берегу появились два бородатых взрослых мужика. Вместе с дядей Веней и дядей Лёней Носковым они налаживали стапель. Из-за реки приплавили два толстых осиновых балана. Будут делать долблёнки. Работа продолжалась неделю, сначала осиновые брёвна пилились пилой, но только в грубых формах. Весь процесс проходил вручную, специальными долбёжными широкими долотами. Постепенно стал вырисовываться силуэт лодки. При длине 10—12 метров борта были невысокими, напоминала она индейскую пирогу и сверкала свежими белоснежными боками. Как умудрились так выдолбить, чтоб толщину днища угадать верную. Я ломал голову пока Коля не показал мне несколько кедровых тонких колышка вбитые в в борта. Толщина со спичку, длина как раз нужная толщина борта, а цвет ярко оранжевый, кедровый. Мастер долбит белую осину пока ни дойдёт до кедрового клинышка.

Эти лодки пахли горькой осинной, пьянящий терпкий аромат, лёгкий, но немного чужой. Второй этап превращения пироги в лодку для перевозки сена – распаривание. Долблёнка распаривалась кипятком в чанах на берегу, борта разводились, почти сами на глазах. В таком виде остов остался на несколько дней, на распорках, прикрытый берестяными пластинами от солнца. Затем уж высушенные осиновые лодки обрела дощатые борта, были просмолены по всем правилам. Широкие плоскодонки легки в управлении на буксире. Лучше, чем с небольшим килем, они скользят по воде. Спаренные, они теперь служили баржей для сена. Первый же рейс мы с восторгом встречали в августе. Так прямо на глазах из осин родилось чудо и начало служить людям. А ангарские кержаки так же незаметно уехали, как вроде и не приезжали.

Баня на угоре простояла долго, племянница отправляла мне её фотку уже в новом веке. Её строительство я застал ещё совсем мальцом. Старую быстро раскатали, мылись мы у соседей пару недель, а в огороде на угоре началось строительство новой. Сруб скидали быстро. Старшие братья, Коля с Саней, помогали дядьке на широких вкусно пахнущих плахах перекинутых со стены на стену. Они укладывали мох в пазы. Нам с Серьгой туда не разрешалось, но всё-таки в один день подняли и нас. День был такой яркий, что казалось всё звенит вокруг. Плоские горы на правой стороне Енисея уходили куда-то вдаль, постепенно меняя цвет с тёмно-зелёного на синий. Река отражала небо с кучками облаков и серебрилась морщинками от лёгкого летнего ветерка. Сердце колотилось от восторга. Горизонт с высоты казался ещё шире.

Так для меня всегда и остаётся панорама нашего Енисея с этой точки на угоре рядом с баней. Пронзительный ясный августовский день. Дождливая хмарь конца сентября с тяжёлыми тучами, которые чуть ни тонут в реке. Чёрный, почти невидимый край под зимним звёздным небом январской ночью, когда снег громко скрипит на всю пустую улицу, а баня остаётся единственным, казалось, тёплым местом в этом мире. И весна. Вечерние сумерки, которые тянутся бесконечно после короткого дня. Постепенно морозец схватывает чуть оттаявшие за день лужи, а серый снег по всему горизонту и тёмная тайга уже теплеют своим цветом.

Баня, не дом, ей не надо выстаиваться для усадки, строительство закончилось уже к сентябрю. Запах свежего леса долго ещё держался в ней, постепенно заменяясь на прелый томный запах березовых листьев. Постепенно он настаивался и наполнил всё вокруг. Маленькое окошечко позволяло только ориентироваться внутри, оставляя полук в темноте, а дощатый предбанник был светел. Теперь уже к нам ходили мыться соседи, а мы с братьями, в тайне друг от друга, пытались подглядывать за соседскими девчонками. Но тщетно – темно. Зато в любой

«не банный» день туда можно с опаской заглянуть и вдохнуть волнующего аромата. Почему-то баня всегда считалась местом колдовским.

По старой чалдонской традиции, бани всегда строились на отдалении от жилья, во избежание пожара. Северный народ топит бани жарко, парится в них с удалью, «так что вши трескаются». И без всякой пожарной инспекции все понимают, что лучше б такое подальше от дома. В редких дворах баня под общей крышей. На отшибе баню всегда надёжнее ставить. Так что, выросшим парням они пригождаются иногда для свиданий. Ну а кто и самогонку там гонит, хотя в старых деревнях такое не практиковалось, брага и так забористая, да и вкуснее.

Дом, совсем другое дело, его строят долго. Ставят мощные листовые стулья, кладут оклад, собирают сруб. Затем дом долго выстаивается, бывает не один год, а вся семья живёт во временке или летней кухне. Я наблюдал несколько таких строительства и всегда хотел срубить себе дом лучше многих, но по старым канонам. Ну, об этом уже в следующий раз.

Метга к матери

Мать семнадцатилетней девчонкой ушла из дома, убежала из колхоза без паспорта через дальние сибирские прииски Теи в большую жизнь. Суровые зимы сковывали Енисей льдом, но жизнь не останавливалась. Зимник давал возможность сношений с внешним миром золотых приисков, которые летом были оторваны от цивилизации. Партийное руководство использовало малую авиацию уже после войны, и до 50-х годов золото вывозили почтовыми обозами в обмен. Продукты возили другие обозы, а не почтари. Семь «станков», семь дней пути и ночёвок. Станки – остановки в специальных зимовьях, часто и не были натоплены к почте и разогревались долго, если не жил там какой-нибудь смотритель, а ноги стыли в обмотках. Северо-Енисейский Соврудник, Тея на берегу Вельмо, впадающей в Подкаменную Тунгуску, были той маленькой калиткой в большой мир, куда чалдонам севера нельзя было попасть, паспортов им не давали. Бабушка Анна возила почту, она и отправила дочь в путь. А она с тех пор была должна своей родне, оставленной на берегу могучей реки, колхозу и рыбацкой артели.

Тис, станок

Была должна матери с хромой ногой, братьям, что кормили мать и невесткам. Как бы извиняясь на своё городское жильё, она каждую навигацию заходила с мужем в эту деревню, привозила подарки, становилась крёстной племянникам и опять уходила на старом теплоходе вниз и вверх по реке. А когда речная эпопея закончилась, но оставалась привычка к дому, она отправляла туда и его, где росло молодое непокорное племя, умеющее плавать в студёной воде и лазать по кедром за незрелыми шишками. В той кержацкой деревне и прошло детство монаха. Там и случались те истории, которые не выходили за рамки обычных житейских рассказов, но сейчас вырисовывались характеристиками людей этого далёкого края.

Шутка о деревенских жителях Сибири – «да он слаще мороженой картошки ничего и не пробовал» родилась не случайно. Деревни по берегам сибирских рек сообщались с «большой землёй» только летом водой. В военные годы, да и долго после войны, сельские магазины имели на прилавках только соль, гвозди и спички. Редко завозимые слипшиеся карамельки «Дунькина радость» раскупались быстро, хранились в сундуках у бабушки и выдавались под чай по большим праздникам. Война выгребала все ресурсы с деревень и отощавшие чалдоны ждали весны, когда тайга и река начинала снова кормить своих детей. Самым ранним приварком к столу была инспекция прошлогодних полей из-под картошки. Клубни, перезимовавшие в земле, были редки, приторно сластили, но были желанны. Порой это была единственная сладость за долгие зимние месяцы, ожидание лесной малины скрашивалось этой мороженой картошкой. Каким же чудом показалась полная сумка крупных молдавских яблок, привезённых матерью как гостинец. Ярко-жёлтые с розовым боком, удивительно круглые и большие. Ребятишки осторожно взяли по яблоку, вкус его был чудесен и незнаком, а запах ударил в ноздри и кружил голову. В голове складывалась картина далёкого юга страны, омытая жарким солнцем. Съеденной половины яблока оказалось достаточно для жестокой оскомины, даже старшие не смогли ничего есть до самого вечера. Взрослые подсмеивались над экзотикой, а матери от чего-то было неудобно, она извиняясь сказала – «Ничего, привыкнут». Она знала уже, что лихие годы заканчиваются, и что скоро будет у ребятишек радости побольше. Но будет ли это хорошо? Сохранят ли дети чистоту души, как и чистоту широкой реки и таёжных далей? Не займут ли место в голове блестящие красивые предметы там, где должно быть добро и щедрость.

Она из немногих приезжающих из города, ходила по гостям к старикам и старухам. И они её с радостью принимали, делились с ней своими переживаниями и рассказывали о жизни. Она была резидентом этого таёжного села в большом городе. Тётя Маруся Зимариха, дед Фокин, знаменитый своими рыбацкими рассказами, лёлка тётя Тюня Гуляева, дочь горного инженера. Все те, кто подкармливал в голодные годы соседских ребятишек и кто делегировал в новую

жизнь, в поход за паспортом по зимним «станкам» через Тею. Она привозила гостинцы чуть ли не для половины деревни, и это было её благодарность своим землякам. Благодарность естественная, которая вырастала из желания увидеть радость в глазах друзей и соседей. А они в свою очередь давали с собой в город звеньшко малосольной осетрины, пакетик жёлтой картошечки «кулички» и своё доброе отношение. И так незаметно, добро цеплялось за добро и множилось, а если и возникали в деревне какие-нито распри, но оно как-то само по себе пресекалось. Как учила её бабушка Анна, как она учила детей – «Пусть тебе делают плохо, а ты делай хорошо...». И вроде нехитрый совет, а сила в нём огромная. Сила любви, добра и справедливости.

Мать всегда говорила – «Боюсь реки», он так и не научилась плавать. «Боюсь болота ужасно», и шла с удовольствием вслед за проводником собирать клюкву по моховым кочкам. «Боюсь медведя» и, самым большим удовольствием для неё было походить по бору брусничному, собрать ведро белых боровых груздей и туес брусники. «Мишка медведь, где в ту пору был, когда батюшка Христос по земле ходил. Как в ту пору испугался его, бежал, рюхал, так и меня бойся, беги и рюхай», такой заговор снимал весь страх и служил гарантией безопасности в тайге от медведя. Если и встречался когда, мы кричали ему – «Здесь мы, здесь!», давая понять, что это нас надо бояться. Медведь уходил, сторонился женщины с ребятишками. Молитвы и заговоры передавались по поколениям и работали своей нехитрой магией. Потому что магия та заключалась в отношении людей между собой, в отношении чалдонов к рекекормилице, в отношении кержаков к тайге и всему живому в ней. Принцип ахимсы соблюдался неукоснительно, а добыть зверя или рыбу было не только удачей, но правильным способом выживания. Ради баловства или спорного удовольствия никто никогда не ходил на охоту. Непричинение зла живому было в самой культуре таёжного люда, который был органичной частью этого мира.

Осень приходила неслышно и начиналась с холодных северных ветров. «Сивер» поднимал нешуточные волны, река и небо чернели даже в ясный день. На реку в ту пору никто не ходил, только колхозный катер «Чих-пох» боролся с волнами, увозя доярок на дойку. И периодически приходила грустная весть из соседних сёл, что опять кто-то «Енисей сквасил». Утонул по неосторожности, перевернув лодку на этих волнах, утянула вниз намокшая телогрейка. Когда дул Сивер, без телогрейки уже не ходили. Среднее течение рек Енисей в один день становилось Енисейским Севером. Относились к таким вестям с грустью и сожалением, молились украдкой и продолжали жить. Потому что в жизни было место и грустному, которое перемежалось с весёлыми праздниками, цветными половиками и хмельной брагой. И те же половики застилали скамьи на поминках, и поминали своих усопших той же брагой.

ПОКРОВ

Та осень выдалась долгая. Начало октября, мелкая морось вдруг прекратилась и стало сухо. Сухо и холодно. Енисей серой полосой катился к океану, верховка только немного морщила его поверхность, вода казалась тяжёлой, отражая осеннее небо. После окончания первого курса института и после первой долгой экспедиции в Саяны я приехал домой, в деревню. Мы сидели с братом на носу дюральки и курили. Енисейская галька шелестела под ногой. Серьга собирался в интернат, последний класс. Я уезжал из деревни. Уезжал в большую жизнь теперь навсегда. Мы курили Прибой и молчали. Наверное, понимали, что детство наше давно закончилось и без всякой юности давно уже вступило во взрослую жизнь. И понимали, что мы расстаёмся надолго, может, навсегда.

Мы не были приучены к сентиментальности, и когда Серьга пошёл к поселковскому автобусу, он только махнул рукой на прощание. У самой двери оглянулся и что-то хотел сказать, но только вздохнул. Обнялись в первый раз мы после долгих 20 лет, а тогда даже не обменялись

рукопожатием. Нам не надо было лишних слов или движений, мы понимали друг друга и так. Серьга оставался, а я уезжал навсегда. Потом я ещё несколько раз навещал деревню, но ненадолго, уже только гостем, а затем и вообще канул в горной тайге, ушёл в далёкие дали. В мои краткие приезды мы уже не виделись с ним, брата забрали в армию. После института я стал догонять его, перебрасывались мы с ним письмами на полевую почту и бравыми фотографиями в форме. Но свидеться довелось только в Красноярске, когда приехал он орден получать от генерал-губернатора Лебеда, а я спустился с Алтайских гор изрядно потрепанным.

Покров на носу и шелестящая галька под ногами. Ещё не вывезенные поленницы дров под угором и серебристые тела казанок цепями прикованных к мёртвым якорям на берегу. Только в самом верху деревни оставалось несколько больших деревянных лодок для того, чтоб можно было сено приплавить из-за реки. Лежали они черными китами у кержацких изб в ожидании следующей навигации и деревня на том обрывалась. Мельница так и осталась своим названием, растворяясь в небытие. Не осталось даже старых лисвяжных окладов крест на крест положенных высотой в мальчишеский рост. Мелкие почерневшие кустики душички между камушками уже умерли до весны. Тишина казалась осязаемой. Никогда я ещё не бродил один по берегу и все как будто дали мне возможность попрощаться с прошлым. Берег был пуст.

Молодёжь собралась на конюшне, той половине большого деревянного строения, что пустовала. На толстых бревнах потолочных балок были подвешены качели. Качались и качали девчонок, одетые уже в свитера и фуфайки. Место то являлось явочным перед походом в клуб для всех верховских. «Ну что, городской? Поехал? Не плошай там, да и не забывай». Девчонки лукаво смялись, парни пожали руку. Многих из них я долго не увижу.

К вечеру Енисей стал свинцовым, небо опустилось низко, похолодало. А наутро, проснувшись, увидели тоже серое низкое небо, но река была белёсой, летел мелкий снег. Покров. Здесь он не лежал тонким покрывалом на земле и травах, он делал скользкой береговые камушки, колот лицо и вихрем кружился над серой водой, вместе с ней уносился к Ледовитому океану. Но это ненастье приносило какое-то облегчение. Оно было заключительным аккордом осени, свершившимся событием. И хоть не был это снег на Енисейском севере белым и пушистым, он всё равно оставлял то ощущение, которое старики выразили точно – «Вот и выпал снежок, все грехи наши прикрыл». И на самом деле, снег постепенно закрывал вырытые огороды, почерневшую крапиву под заборами из дранки, коровьи лепёшки на скотном дворе. Холод усиливался, но всем приносил облегчение. Вот и зима уже.

Как ни пытались нам представить великий двенадцатый праздник Покрова Святой Богородицы, все от мала до велика знали, Покров закрывает землю одеялом до весны. Это окончание осени, «отжинки» в колхозах и совхозах, после него уже можно капусту рубить, а там и скотину прибирать на зиму. За Покровом и рыба скатываться начинала с речек, и последняя утка отходила стаями на юг. Белка и соболь начинали выкунивать вдруг быстро, прямо за день. Покров для нас был ежегодной вехой в жизни. Для старой сибирской деревни без крестных ходов и церковных песнопений. Просто перекреститься «Слава тебе, господи», как кряжистые бородатые дядя Лёня и дядя Вена, стоя на угоре и смотря куда-то вдаль.

Покров помнился всегда. И всегда оставался не светлым праздником, а днём, который сулил теперь сытость и отдых, да смену занятий и распорядка. Как тяжело было услышать из письма от Серьги, что брат Коля ушёл как раз в Покров. Как всегда, где бы я ни находился, выходил на стылую улицу и подставлял лицо колючим осенним снежинкам. Закуривал папиросу, прикрывая в ладонках огонёк спички, и всплывало ощущение свинцовой ширины Енисея и берега размытого белёсым туманом. Оно так и осталось в сердце на всю жизнь.

ДЕРЕВЯННОЕ КРЫЛЬЦО

День лесника – праздник посредине сентября в самое бабье лето. Горячее солнце, как бы прощаясь на долгую зиму, грело усердно, ласкало. Старый инженер охраны и защиты леса сидел на крыльце лесхоз и подставлял ладони этим лучам. В посёлке было тихо, как бывает всегда в рабочий полдень. До 200 лет Лесного департамента он не дожил совсем немного, до юбилея дела, которому он отдал всю свою жизнь. Сейчас, вспоминая Ветрова Владимира Ивановича, я вспоминаю и все свои лесхозы, деревянное крыльцо каждого, доски которого ласково нагреты осенним солнцем.

Лесники – народ особый. Корпоративная общность работников леса, особая каста среди людей, они отличаются даже от охотников и лесорубов. Бережное отношение к лесу, охрана леса, а не его эксплуатация. Люди это разные, плохие и хорошие, пьяницы и трезвенники, попадают и хапуги, и бессребреники. Но все они лесники, люди, которые охраняют лес от пожара, отводят его в рубку, проверяют деланы и, сажают, сажают молодой лес. День Лесника для лесных посёлков – день особый. День, в который весь посёлок чувствует какую-то общность.

Тёплое солнце конца лета, нагретые доски Туруханского лесхоза. Я сижу на этом крыльце, ожидая прихода кого-нибудь. Прокопчённая энцефалитка и драный ватник никого не удивил в этом северном посёлке, когда я ранним утром узнавал, как пройти к конторе. Нож на боку и борода тоже никого не удивляли. Переплавили меня через Енисей трое местных подростков, которые в Сивер случайно оказались на реке. Наша партия вышла из болот к Енисею потому, что уже неделю не было хлеба и курева, вяленая рыба и немного рисовой крупы – это было всё наших продуктовых мешках. Переночевав на дебаркадере, появился самым ранним утром в конторе. Никого. По лесному обычаю, калитка не закрыта, замок накинут. Крыльцо из толстых лисвяжных досок покрашенных суриком уже нагревалось, солнце в этих широтах летом не заходит. Появившийся директор только развёл руками – «Волна же Енисее», потому и не забрали нас в оговоренное время. Доски скрипнули под ногами, прохлада в кабинете и приятный запах пыли от планшетов. Пили чай с сахаром и сушками, помощник лесничего, молодой совсем рассказывал о нелёгком житье на севере и агитировал приезжать. Я же писал диплом и выпускался этим годом. Он не подозревал, что сам я почти местный, вырос на этой реке чуть выше, а то, что он хочет ретироваться, тоже понял сразу. Выдал мне карту лесонасаждений, планшет кварталов, которые мы исследовали, пошёл распорядиться отправить за моими товарищами лодку. Запылённые окна небольших окошек, широкие доски пола, старый сейф и запах лесной конторы. Запах, который отныне на долгие годы будет частью моей жизни. Бумажная пыль картографических планшетов, запах кожи сёдел и уздечек, резиновых РЛО и чуть кислый запах дождевиков из брезента. Прохладный сумрак и яркие блики солнца в окошко. Комнаты в лесхозовских конторах никогда не заливают яркий солнечный свет. Вокруг всегда посажены ели и кедр.

Следующее крыльцо в головном районном лесхозе села Турачак было для меня транзитным. Высокое, на несколько ступенек и резными балясинами. Перевалочный пункт для многих лесников, для которых родные лесхозы находились за перевалами, по грунтовым дорогам в ста километрах. Растущие сосны с пронзительного золота стволами, нагретые деревянные ступени и незнакомое чувство затихшего воздуха. Весной и осенью на радиостанции в лесхозах всегда дежурство, пожароопасный период, сушь. Но если весной множество дел и жизнь в лесхозах кипит, то сентябрь притих, нежась в последних летних лучах и настороженно прислушиваясь к эфиру.

Стылое крыльцо в морозные тёмные дни Бийкинского лесопункта трещало от первых шагов, половицы визжали на морозе и щёлкали. Там жили мои товарищи, мастера. Сам я, мастер Чуйкинского лесопункта забегал лишь на минутку погреться. А когда сюда въехал лес-

хоз, крыльцо расслабилось, выровняло широкие кедровые доски свои, как будто расправило многолетние морщины старого вальщика. Здесь и сидел на завалинке Владимир Иванович, щурился на солнце по старчески и грел в его лучах ладони. В посёлке над ним подтрунивали, но глубоко уважали, как уважают всякого чудака, преданного своему делу. За его фотографии, слайды, каждый год показанные в клубе на наш профессиональный праздник, и за незлобливость. А контора лесничества на кордоне укрывалась выросшими елями и была уютной своей темнотой и знакомыми запахами, бумаг, седельной упряжи и резины РЛО. Каждое утро собирались лесники, курили в печку и резъезжались. Оставался только помощник лесничего да истопник. И было лесничество родным и неизменным в этом лесном посёлке, пережило смену многих директоров и лесничих, но оставалось верным своему долгу. Как оставались неизменными лесниками несколько мужиков при любой администрации.

Когда лесничество отстроило новую контору, на взлобке, на солнышке, с широким двором. Мы посадили там несколько ёлочек и кедров, старательно ухаживали за ними. Выходили покурить на солнышко и радовались ему. Старая контора в 50 метрах не ревновала нас, она оставалась конторой в наших разговорах, заезжей избой для гостей из других лесничеств и управления. Кордон так и оставался кордоном, стоял особняком в посёлке. Два жилых дома, старая контора и новая, кузница и конюшня. И сентябрьское солнце прогревало землю, курчавилась ромашка и спорыш, дышалось свободно. Здесь всегда оставалось ощущение, что ты на месте. Единственное место в посёлке, где солнце было весь день, не пряталось за гору. День лесника праздновали здесь. Смеялись, радовались тому, что все мы вместе, что ещё год прожит, и лесхоз не развалили. 200 лет лесному департаменту с моими фотографиями в республиканском альбоме, вместе с картинками других лесхозов. Все гордились, что Байгол тоже тут. Жалко только было, что нет некоторых, кто вложил свой труд в этот Байгол.

Солнце грело ступеньки крыльца, сентябрьский воздух висел неподвижно. Горы с синей тайгой улыбались, готовились к скорому ненастью. Мы знали, что эта тишина останется с нами. В осенние дожди, в лютые скрипучие морозы, в предновогодние дни, согревая лесников с ёлочных заготовок. Потому что кедровые доски крыльца напитывали солнце в себя, и это было нашей душой.

Кедровая доска, как ладонь матери – вроде и шершавая, а никогда не занозишься.

ОБЛАСОК

«Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что высишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,
Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!
Генри Лонгфелло, 1855 г. – в переводе И. Бунина

Лодочка лежала на берегу вверх днищем. Его, городского жителя и лесного таксатора, забросили сюда на моторке, пожелали удачи и оставили на две недели в одиночестве. Маленькая охотничья избушка и обласок – это всё, что напоминало о человеке в этих глухих болотистых местах. Север. Первое, что он сделал, это осмотрел маленькую лодочку на её надёжность. Дно было ровным и гладким, борта нашиты единственной досочкой, стык промазан смолой, весло лежала тут же, под ней. Очевидно, хозяин приходил сюда ранней весной, прибрал и избушку, и обласок, приготовил к лету. Городской таксатор в гудении комаров и мошек перетащил нехитрый скарб и провиант в охотничий закуток, а сам решил жить в палатке. Благо полянка перед избушкой была ровная и чистая, трава еще не успела подняться. Место было замечательным. Охотник никогда не поселился в худом. На Севере не принято прятать избушки, здесь чужаки не ходят, а старожилы свято блюдут охотничьи законы.

После установки палатки можно приступать к приготовлению ужина. Северный летний день длинный, но солнце уже начало задевать верхушки лиственниц, уже вечер. Комары гудели непрерывно и лезли во все щелки, даже вдохнуть, чтоб не проглотить пару особей, казалось было невозможно. Таксатор развёл костерок под ветхим навесиком, нацепил на таганок котелочек и чайник, найденный в избушке, закурил. Небольшая речка спокойно текла под берегом, кое-где рябило на кустиках осоки, но вода всё равно была как зеркало. Гладь её отражала берега, ивовые заросли и уходящее солнце. Вдруг захотелось опробовать эту гладь, глянуть, что там за поворотом, опробовать пирогу индейскую, напомнившую детские игры в индейцев и зачитанные книги. Хоть чуть-чуть, пока чай варится.

Горожанин осторожно спустил лёгкую лодку на воду, положил весло поперёк бортов, шагнул с берега. Лодка бешено закачалась, намереваясь опрокинуться, зачерпнуть воды, скинуть своего седока, как норовистая лошадь. Он присел от испуга, ухватился руками за борта, опустился на низенькую баночку у самого днища. Старенькая досточка-баночка, служившая сиденьем, была затёрта до блеска охотничьими штанами, это успокаивало. А лодочка сама, незаметно отходила от берега, как лёгкое пёрышко на глади коричневой болотной воды. Вода кофейного цвета в речке была по причине того, что речушка текла из болот Западно-Сибирской низменности, торфяные отложения красили её, но были и хорошей основой для различных мелких рачков, которые служили пищей рыбе. Рыбы, говорят, в таких речках полно.

Опустил весло в воду и гребанул. Лодка резко накренилась, чуть не зачерпывая бортом воду, развернулась почти на месте. Как же тут грести то? При посадке человека, лодочка просела, от края борта до воды не больше десяти сантиметров. Короткое весло с одной лопастью было удобным, но тяжёлым. Вся романтика индейской пироги сразу же сошла на нет полной невозможностью справиться с ней. Кое-как вернулся к берегу, вылез, вымочив ноги, так как лодка и тут стремилась вывернуться из-под неумехи. Привязал к кольшку на берегу и пошёл

пить чай. Котелок почти весь выкипел, но чайник был почти полон. Горсть заварки сразу же наполнила окружающий мир волнующим запахом. Банка тушёнки и щедрый ломоть свежего хлеба. Благодушное настроение вернулось. Комары сбились в большой тёмный столб, висели над поляной. Это к ветру, скорее всего. Досаждают стали чуть меньше, хотя своих атак полностью не оставили. Надо идти спать, хоть день никак не хотел уходить. Солнце, как заколдованное, висело над краем леса и не хотело уходить. Наконец оно нырнуло в хвою, оставляя красное зарево заката. Вокруг всё смолкло. Надо успевать заснуть, а то сейчас и восход незадолго последует.

Утро оказалось ясным, потянувший с севера ветерок разогнал тучи, сдул с берега лишних комаров. Остались только самые стойкие, которые жаждали напиться крови для продолжения потомства. Раннелетние комары – прошлогодние, для свежей массы надо отложить яички в воду, а они уж там быстро выведутся в личинки и дружным роем поднимутся в самый разгар лета, вместе с прочим таёжным гнусом. Вот когда невозможно будет в лесу на болотах находиться. Сейчас терпимо. Краткий завтрак и подготовка к полевому сезону. За эти две недели надо обследовать ближайшие листовничники и единственный сосняк в округе. Заложить две-три пробы, подготовиться к последующим экспедициям по изучению северной тайги. Сказать по правде, хотелось обуздать всё-таки обласок, научиться управлять им.

Такие обласки горожанин видел уже. Если индейские пироги делались из берёсты, как это в сказаниях описано, то сибирские челны долбили из осины. Некоторые его институтские товарищи и старшие руководители называли этот челн «оморочка», по аналогии с дальневосточными лодочками охотников. Но те тоже изготовлялись из берёсты, распирались кедровыми гибкими сучьями, шпангоуты тоже кедровые. Вспомнил, когда был малым совсем, бабушка в долгие зимние вечера на потеху ребятишкам шила, складывала берестяные корбочки, туески, маленькие лодочки. Гладкие берестинки прошивались суровой ниткой, умело скроенные. Затем по краю обжигалось изделие спичками, краешки заворачивались, припайвались друг к другу. Такие игрушки были крепкими, почти вечными. Они не рассыхались, не рвались. Наверное, такие же были и лодки в тех дальних землях. Лишь бы берёсту широкую найти без изъянов. На Енисее такие гладкие берёзы попадались не часто. Каяки северных народов из кожи. А вот сибирские обласки – долблёнки.

Берёзы ровные здесь редкость, а вот осина стройная да не гнилая чаще встречается. С неё то и ладят лодки. Ровный сутунок выкладывают на стапеля, по одному краю тангентально срезают пилой, а лучше топором стесывать, не более четверти. По этой плоскости и начинают выдалбливать лодку. Постепенно получается корытце с тонкими бортами. Чтоб толщину бортов выдержать ровную и не испортить лодку, в бортах засверливают несколько маячков. В отверстия эти забивают палочку из сухой кедровой древесины. Розовый кедр прекрасно видно в белой осине. Длина этой кедровой палочки и есть толщина борта будущей лодки. Такие лодки бываю и большими. А вот обласок лёгкий изготовить попроще. Когда выдолблено всё аккуратно, завален нос и корма, лодку «разводят» на огне. С этим надо не опоздать, древесина должна быть свежей, тогда она легче распаривается и не подгорает. Под лодкой разводят костёр, греют выдолбленный остов, обласок начинает раскрываться бортами. Тут главное не проморгать, не переусердствовать с огнём. Вовремя вставляются распорки в борта, крепко стягиваются слои древесины по носу и корме ивовыми «вязами». При нужной ширине изделие оставляется на просушку в тени. Периодически проверять и сбрызгивать надо, не дай бог, чтоб не порвало. Когда лодка высохла и стала лёгкой, нашивают борт в одну сосновую досочку, укрепляют изнутри тремя-четырьмя шпангоутами из сосны. Можно спускать на воду.

Таксатор погладил старый добрый обласок и еще раз попытался с ним сладить. За ночь в лодку набралась вода, но течи не было. Микротрещинки, которые закинут в процессе. От долгого лежания на берегу такие маленькие течи неизбежны, но они уходят, как только

спустишь на воду. Сел в лодку, оттолкнулся веслом от берега. Сегодня уже проще. Увереннее себя чувствуешь, не торопишься, пытаешься уловить всю хитрость управления челноком.

Лодочка легко скользила по речке вниз по течению. Гладкая торфяная вода, между тем, текла напористо. Течение в этой речке было достаточно быстрым, но глубина и мягкий грунт дна скрадывал это, речка не бурлила, не имела перекатов. Ветки ив, опускающиеся в воду, ясно показывали скорость течения, трепетали в быстрых струях. Решение повернуть назад к дому оказалось выполнить не так просто. Удалось развернуть обласок только на широком плёсе, куда скоро вылетели. Весло упиралось в воду, лодка кренилась, угрожая начерпать воды или перевернуться. Оригинальный способ разворота был найден быстро – зацепиться за таловые ветки, течение развернёт само. Теперь обласок с незадачливым капитаном спускался кормой вперёд. Осторожные гребки веслом остановили его, стали постепенно продвигать вперёд. Лодочка еще рыскала носом при каждом движении весла, но постепенно таксатору приходил навык. Гребки становились ровными и сильными, а весло не извлекалось сразу, а чуть подруливало, выравнивало лодку. С одной стороны гребок, перенос весла, с другой стороны гребок. Затем попробовал по два гребка по каждому борту, лодка пошла ходко. Справился! А течение то не такое быстрое, как показалось вначале.

Под навесом охотничьей избушки видел сетку. Попробовать надо и порыбачить. Сеть была короткая, ячей 50 мм. Деревянные полавки-досочки, берестяные карманы-грузила с камушками. Как детством пахло. Выше по течению от избушки довольно широкий плёс

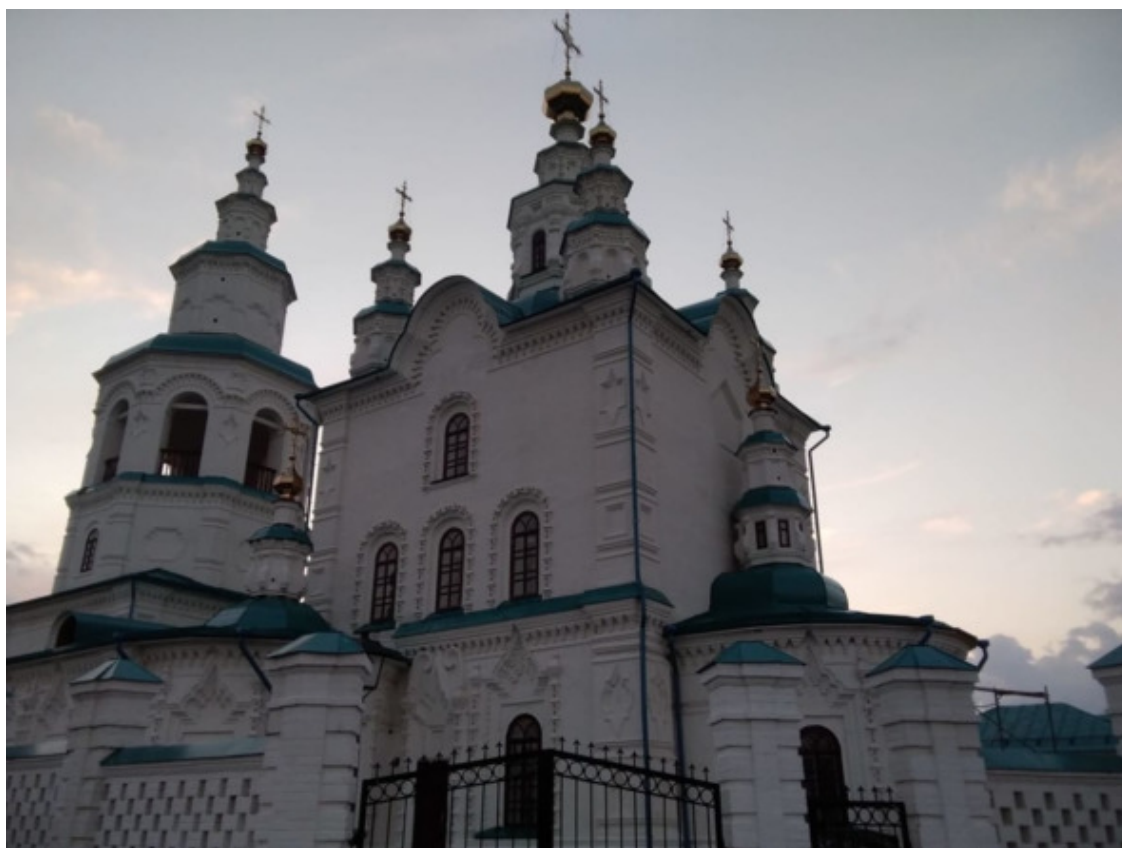
с небольшим течением. Два вытесанных шеста для укрепления сети, верхнюю тетиву привязал к кустам. Вернувшись на берег к биваку принялся готовить обед. Затем надо и к работе приступать. Удовлетворение от того, что справился с лодкой, дало уверенности и в остальном. По едва заметной тропинке пошёл в лес, осмотрелся. Через полчаса ходу наткнулся на заросшую болотину, зачавкало под ногами. Осторожность и еще раз осторожность. Нет, нормально держит, просто сырое место, а может, ещё от весны не отошло. За болотинкой небольшой взгорок и совсем другой ландшафт. Вот куда и надо. Белый мох, брусничник, сосны с оранжевыми стволами. Хоть и низкие, у некоторых крону можно топором достать, но уже настоящий сосняк. Здесь и будем пробы закладывать. А пока, домой, сети проверить.

Так прошло несколько дней. Обласок слушался всё лучше, сетка приносила сорожняк, окуней и даже небольших щучек. Рыбы и вправду было много. Утки кряковые пролиняли и усаживались на гнёзда. Больше всего нырковых уток. Иногда табунков стремительно пролетали над плёсом. Ружьё с собой было, но только для самообороны от косолапого. Таксатор за неделю так обжился, что уже и не брал его с собой на охоту, а оставлял в избе. Избушка приветливо его принимала. Приходил иногда в неё покурить. Почему-то не было в ней комаров, можно было расслабиться. Маленькая, из нетолстых лисвяжных брёвен, тем ни менее, она была приподнята над землёй на стульях метра на полтора. Избушка на курьих ножках. Такая постройка позволяла избе оставаться всегда сухой. Да и место выбрано удачно. Небольшой поднавес для хранения разных бытовых вещей, нары и столик. Печки нет, одна труба. Печку увозят, а потом привозят вновь. Может, для того, чтоб не жил никто, а может – просто время сменить пришло.

Через какое-то время тушёнка приелась, рыбная диета тоже. Хлеба уже не было, лепёшки из муки стряпал не часто. В одиночку жить на биваке не так уж и легко. Пришла идея поохотиться на уток. В один прекрасный ясный день она была осуществлена во всём своём великолепии. Под вечер, выплыв на широкий плёс, где стояла сеть, укрылся горожанин у кустов и стал ждать. Он знал, что ближе к закату утки всегда пролетают над речушкой. Вот и подкараулить. Громкое хлопанье крыльев, три чирка заложили круг и сели недалеко от сети. Горожанин медленно поднял ружьё, выстрел. Сильная отдача поперёк лодки толкнула в плечо, вывела из равновесия и лодка черпанула бортом, кувырнулся охотник в холодную воду. Даже не заметил, как это произошло. С перепугу ухватился за прибрежные кусты, вылез на поляну. Ружьё болталось на погоне за рукой. Хорошо его не утопил, пришлось бы нырять – чужое. Вот те раз, посмеялся над собой, выжал одежду, вычерпал воду из лодки веслом.

Много раз пытался попробовать зачерпнуть воды бортами. Как ни раскачивай утлую посудинку, как ни низко сидит она над водой, а зачерпнуть не удаётся. Оказывается, для этого надо с ружья выстрелить поперёк. Впредь наука – стрелять только по курсу лодки. Но охотиться больше не хотелось. Доплыл до сетей, выбрал рыбу. Подобрал чирушку. Всё-таки достала её дробь. Вернулся к стану. Вот так и дальше будем. Копчёная на костре рыба, лепёшки из муки, которая кончается, да северное незакатное солнце. Так прошла и вторая неделя, началась третья. Лето разгоралось, полярный день пришёл. Вечером «задавняя» мошка и комары нового поколения, днём – пауты. Пора выбираться на Енисей. Тем более главные задачи выполнены. Пробы намечены, маршруты и профили пробиты и нанесены на карту.

Наутро, собрав нехитрый скарб, попрощался с избушкой. Уложил всё на нарах, заберём потом. Пойдём налегке. На обласке сплавился до устья речушки к Енисейскому берегу. Здесь нет комаров, но мошка, хоть и холодно. Перевернул обласок вверх днищем, спрятал весельце, погладил по днищу шершавому – Спасибо. Будем дожидать моторку, чтоб забрала.

ЛЮДИ НА ЕНИСЕЕ

Люди на Енисее были разные. Всегда это были рыбаки и охотник, потом торговые и скупщики, затем золотодобытчики и разбойники лихие. Деревня наша Назимово, говорят, основана Ерофеем Пальчем Хабаровым по пути на Дальний Восток. А Назимов всего один на моей памяти, да и дом у него не выдающийся был, в закутке крайнего проулка к лесу. Хотя, какой там может быть особый дом даже и у потомка торгаша, скупщика пушнины после 50 лет советской власти? Хорошо хоть такой. А может он и не потомок? Как говорила моя бабушка, когда её спрашивали, чего не подавала на розыск без вести пропавшего в войну деда, «вдруг он в плен попал, еще сошлют». Боялись по привычке, хотя куда уже дальше ссылать, и так солнце зимой на пару часов только и выглядывает.

Ссылных в деревне перебивало много. Историки говорят, что отбывал у нас ссылку декабрист Якубович. Но те ссылки царские хоть и страшны были для питерской интеллигенции, но содержание им выдавалось серебром и должности они занимали не каторжные. Якубович даже исследования занимался геодезическими. Пугающее ссылки сталинские будут. По рассказам стариков коммунистические репрессии начались поздно, да и в общем понятии репрессиями не были. Ссылные жили и работали вместе с местными. Жили как попало, что даже у бедных чалдонов вызывало усмешку.

А вообще, революционные настроения в Сибири были слабыми. Как говорила моя бабушка – «В Сибири в лаптях не ходили. У всех кожаные сапоги были». Народ жил от реки и тайги, жил, если и не богато, то уж во всяком случае в достатке. К тому же, Енисейский север был местом приисковым. Здесь мыли золото. Назимово была перевалочным пунктом к тем приискам. Туда почту и провиант, оттуда драгметалл. Еще до революции, а потом и первые годы советской власти. Для назимовских мужиков ничего и не изменилось в укладе жизни и занятиях. Уживались в одной деревне и ямщики, и охотники, и горные инженеры, и лихие фартовые люди. Дед Суворов, муж бабушкиной сестры, скупко рассказывал о приисковых нравах да старателях. Старательство всегда было полулегальным делом, а контроль за такими лихими людьми в тайге сложен и опасен. Потому объездчиков я никого не знаю, а вот кто одним махом сдергивал с седла казённого человека, с тем чай пил в детстве. Старик Суворов даже уже больной и старый был крепким и высоким. Последние годы выходил на завалинку погреться на солнышке, а дома всё больше лежал на кровати. И только с гостями, выпив рюмочку, вдруг пускался в разговоры. Был у него своеобразный юмор, лёгкое отношение к жизни, шутил. Как я потом заметил, такой юмор и лёгкая ирония присуща многим северным енисейским жителям. Что им еще оставалось делать в такой суровой жизни. Тут уж и милиции не убоишься, что страшнее мороза, который метровый лёд рвёт и кровь выстужает, когда за санями бежишь. Мама купила балоньевый плащик. Так была рада – и легкий, и дождь не пропускает, и дешево. Пока собирались в Красноярск по поздней осени, утренний морозец плащ тот порвал. Лопнула балонья. «Вот, Мария, – изрёк дед Суворов, – государство не обманешь.» То, что государство не обманешь, он знал по собственному опыту, а мы только сейчас в этом прозреваем. Тётя Маша Еремеева колмогоровская, как и моя мать сбежала в город, но родную деревню не забывала, часто приезжала. Рассказывала о житье односельчанам. Меня тогда поразил её тонкий юмор и ирония. «Обменялась квартирами. А в новой квартире стенка между кухней и залом, где телевизор, убрана. Спрашиваю – зачем. А они отвечают, мол телевизор смотрим и картошку чистим. Я думаю – толи мы картошку нечищенну едим».

Ссылные довоенные тоже много поводов давали для смешных рассказов. Кажались они беспомощными и несуразными суровым енисейским чалдонам. Кержацкие ведь правила и традиции не из неоткуда взялись. Все тут так жили, по старинным правилам. А эти городские, да еще и с далёкой России. «Жили у нас два ссылнопоселенца в старой бане Конопелькин

и Раев. Раев ленивый был интеллигент, Конопелькин тот попроще. Прикинулся как то первый больным, неохота работать, на мороз выходить. Слёг занемог. Однако естественная нужда выгоняет. Орёт лихоматичком – «Конопелькин, срать хочу!» А тому все что шло, что ехало, спокойный – «Сери, Раев, вынесу». Ближе к войне мужиков стало прибирать. Ссылных становилось меньше, всё больше на прииска их. Поломали активисты церковь сельскую, среди прочих и наш дед оказался. Организовали колхоз вместе с сельсоветом. Председателем, кстати, там по потомственной линии те активисты и шли до самого самого, даже я застал. Да и церковку успел я застать совсем маленьким. Церковкой называли в деревне огороженную территорию бывшей церкви. Церковного погоста и жилья священника. В улицу осталась крепкая изба из лисвяжных брёвен – сторожка. В ей сельсовет еще долго работал потом. А на угор выходили несколько разлапистых кедров, пара кустов черёмухи и длинная деревянная лестница к берегу. Поставили там дебаркадер. После войны кедров как-то хиреть стали, я застал только пару, а потом и совсем засохли, были срублены. Жаль. А старшие братья мои еще успели и шишки с них пощелкать, и черёмухи церковской поесть. Серёга младший, тот уже и не помнит.

Ближе к войне пригнали чеченов. Память о них осталась небольшая, нелюдимые они были, да местные к тому привычны. Сами не шибко общительные, традиции кержацкие. Только дядья рассказывали, работали они на покосах хорошо, выносливые ребята. Но по-своему как-то. Все ухватки ненашенские. Только скорее это наши ухватки особые енисейские. Когда я уехал с дому, так долгое время удивлял окружающих и сам удивлялся. И топор не так держу, и литовкой не так машу, и вилами сено по-особому цепляю. Спасибо дяде Саше крестному моему, многому по деревенской жизни я у него научился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.